

Погребения в Олинфе были открыты самые разнообразные—рядом с расписными роскошными гробницами погребения в каменных саркофагах, в деревянных гробах, в земляных ямах, крытых черепицами, и, наконец, в урнах.

Робинсон отмечает одну исключительную гробницу, заключающую в себе 26 скелетов молодых людей, положенных почти один на другого. При них было найдено несколько бронз и ваз и не было следов гробов. Таких групп было обнаружено несколько. Робинсон объясняет их как жертвы эпидемии, широко распространившейся во время Пелопоннесской войны в Афинах и оттуда на всю Грецию.

Во многих случаях в рот покойнику вместо одной монеты было положено четыре.

В некоторых могилах были положены куриные яйца, символ бессмертия; также морские раковины; во многих могилах в ногах умершего помещалась разбитая ваза.

Среди находок в Олинфе наиболее интересны архаические терракоты, своеобразная местная керамика, с пережитками крито-микенского орнамента, и ряд прекрасных аттических краснофигурных ваз. Из краснофигурных ваз IV в. до н. э. обращает на себя внимание множество пелик и их фрагментов с изображениями женской головы и головы коня, Аполлона на Грифоне, преследующего женщину,—весьма близких типу краснофигурных пелик, открытых в области Боспорского царства; эти аналогии являются прекрасным опровержением мнения о местном, боспорском производстве этих пелик.

Количество находок, сделанных в Олинфе, колоссально. Например, в 1931 г. было найдено—750 ваз, 600 бронз, 12 000 монет. Часть материала находится в музее Салоник, часть—в Филадельфии.

Исследования материала показывают, что торговля Олинфа охватывала до 50 греческих городов.

М. Кобылина

Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа

Древние курганные погребения, расположенные в бывш. Майкопском отделе Кубанской области (ныне часть Краснодарского края), получили весьма широкую известность.

Разновременные археологические открытия и находки в окрестностях станиц Андрюковской, Белореченской, Воздвиженской, Келермесской, Костромской, Курджипской, Советской (бывш. Царской), Ярославской, аула Ульского и др. прочно вошли в научный оборот, вызвали обширную литературу и продолжают привлекать внимание многих советских и иностранных исследователей.

В 1935—1936 гг. на территории того же бывш. Майкопского отдела был сделан ряд археологических находок. Они принадлежат к числу наиболее примечательных находок, сделанных в Прикубании за два последние десятилетия. Среди этих находок—вещи первоклассного значения.

Комплекс публикуемых нами находок и, в частности, содержащиеся в нем отдельные предметы древности, несомненно, будут и теперь и в дальнейшем обращать на себя внимание исследователей.

Обстоятельства находок 1935—1936 гг. рисуются в следующем виде.

В конце 1935 г. дирекция Кавказского государственного заповедника сообщила, что в связи с добычей золота в бассейнах реки Белой, Б. и М. Лабы группа кладоискателей ведет тайком незаконные раскопки древних погребений. Конкретно указывалось на раскопки в окрестностях станиц Тульской и Даховской, причем в отношении последней говорилось, что здесь «прямо во дворах» найдено «несколько греческих шлемов хорошей сохранности, золотой жезл, несколько золотых монет с подписью «Возелеус» (несомненно, «Βασίλειος»—Б. Л.), серебряное блюдо, утварь, медали и ряд других вещей». Почти одновременно такие же сведения были получены и от уполномоченного Бюро охраны памятников П. К. Перепелицына.

Вскоре после этого один из участников хищнических раскопок гр-н Одинцов прибыл в Ростов и доставил нам найденные в станице Даховской шесть круглых наверший от мечей (пять плоских халцедоновых и одно умбообразное из агата), одно халцедоновое же навершие в виде крупной шарообразной бусины, резной скарабей из халцедона, удлиненную бусину из агата и пять бусин и подвесок из египетской пасты или смальты (четыре рубчатых бусы зеленого и голубого цвета и одну подвеску зеленоватоголубого цвета в виде двух соединенных цилиндров с ушком или ручкой с отверстием для подвешивания).

Бюро охраны памятников при президиуме Азчеркрайисполкома немедленно приняло меры к полному прекращению незаконных раскопок, привлечению виновных к ответственности и получению найденных предметов древности. В результате принятых мер был организован контроль за сохранностью памятников древности, расположенных в зоне работ комбината «Азчерзолото», категорически запрещены всякие самовольные раскопки и разрушение курганов, могильников и т. п.

Опасаясь строгой ответственности, упомянутый Одинцов поспешил доставить в Бюро значительное количество различных предметов древности из раскопок в станице Даховской. Помимо этого ряд находок из станиц Тульской и Даховской был получен в комбинате «Азчерзолото», где находки эти хранились. На скупочном пункте была задержана и отобрана золотая подвеска (крылатое женское божество), от различных лиц получены бусы, мелкие поделки из бронзы и т. д. Некоторые предметы поступили в Майкопский музей. Ряд изделий из золота был переслан в Наркомфин (Москва) и передан на аффинажную фабрику, о чем был извещен государственный Исторический музей.

Нами были приняты все меры к возможно более полному выяснению условий и пунктов нахождения отдельных предметов древности.

Следует заметить, что находки в окрестностях станицы Тульской («Золотая горка») восходят к IV в. до н. э., тогда как комплекс вещей из находок на земле станицы Даховской тесно связан с более поздними сарматскими погребениями юга СССР.

Приведем описание некоторых наиболее замечательных находок.

1. Клейменная амфорная ручка из окрестностей станицы Даховской

Обломок клейменной ручки амфоры, сделан из глины розоватого цвета. Точные обстоятельства находки неизвестны. Ручка входила в переданный Одинцовым комплекс вещей из даховских погребений. Однако, по указанию самих очевидцев открытия упомянутых погребений, — ручка не принадлежит к числу обнаруженных в погребениях предметов, а была найдена раньше и (без сочетания с какими-либо другими предметами) «в реке Белой» одним из жителей станицы Даховской. Следует заметить, что поверхность описываемой ручки и характерная сглаженность сопутствующего ей клейма действительно могут свидетельствовать о длительном пребывании ручки под водой.

Так или иначе, нет оснований сомневаться в нахождении амфорной ручки на территории Майкопской округи. Уже одно профильное изображение гранатового цветка в центре клейма (герб острова Родоса, известный и по монетам последнего) вполне точно определяет место производства амфоры. Содержание же и форма клейма, а равно и типичный розоватый цвет глины полностью подтверждают родосское происхождение описываемой находки.

Надпись сохранилась плохо. Явственно заметны буквы только части надписи, в том числе вторая половина собственного имени (Эвкратид) с окончанием на *δα* и особенно буквы следующего за этим именем слова «*Δαλις*» [δ]. Этого достаточно, чтобы, учитывая варианты легенд родосских амфорных клейм (имя магистрата жреца Гелиоса, эпонима Родоса, месяц родосского календаря, имя фабриканта), восстановить полностью обычную формулу родосских клейм и дать следующее чтение надписи: «при жреце Эвкратиде, [в месяце] Далии» ([ἐπ' ἐξρέως] Εὐκράτιδα Δαλίῳ[δ]). Месяц Далий по родосскому календарю соответствует сентябрю—октябрю. Имя родосского эпонима

Эвкратиды известно (находки клейм с его именем на самом Родосе, в Палестине, Александрии, Сицилии), хотя встречается не особенно часто. Б. Н. Граков, подтвердивший и уточнивший наше первоначальное чтение части надписи, любезно указал, что по сводке Е. М. Придика на юге СССР родосские клейма с именем Эвкратиды встречены пока шесть раз, причем из этих шести лишь одно клеймо (подобно нашему) круглое, клейм же этого эпонима с месяцем Далием не встречено вообще ни разу¹. Таким образом, наше клеймо, содержащее название именно этого месяца, представляется для юга СССР первой в своем роде находкой. Любопытно, что в мировой литературе известно уже свыше 20 000 экземпляров родосских клейм, в СССР—около 6 350 экземпляров; среди этого количества, однако, клейм с именем эпонима Эвкратиды немного².

Дата клейма определяется приблизительно (II—I вв. до н. э.). По словам Б. Н. Гракова, «так как его [клейма] нет среди клейм, найденных в Пергаме и Карфагене, то оно не может быть раньше 150 г. до н. э. Соответствующее изображение в центре клейма исчезает в нумизматике этого острова [Родоса] около 88 г. до н. э. Итак, вероятнее всего, дата клейма между 150—88 гг. до н. э.»

Заметим, что две ручки родосских амфор II в. до н. э. были встречены в насыпи недообследованного кургана около станицы Гиагинской на Кубани³.

II. Боспорские монеты

В числе предметов, полученных от комбината «Азчерзолото», имеются три монеты царей Боспора. По справке главного инженера комбината, «одна монета вымыта

Рис. 1. Электронозная монета боспорского царя Тиберия Юлия Савромата II, 193 г. н. э. (а—аверс, б—реверс).

старателями при промывке речных отложений русла реки Белой ниже Даховского лесопильного завода, на глубине свыше 1 м. Вторая монета найдена на пашне в районе Тульского сельсовета. Третья, так же как и первая, при промывке породы из русла реки Белой в районе станицы Абадзеховской, несколько выше нее.

Все три монеты относятся к концу II и первой четверти III в. н. э.

¹ Ср. E. P r i d i k, Zu den rhodischen Amphorenstempeln («Klio», В. XX, Heft 3, 1926). Одна из последних по времени издания сводок родосских штемпелей из находок на территории СССР.

² Ближайшие аналогии нашему клейму: Е. М. П р и д и к, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, Петроград, 1919, стр. 9, №№ 164, 165 (второе—из Херсонеса), также стр. 133, № 26 (Ольвия).

³ ОАК, 1906, стр. 105.

М о н е т а № 1 (рис. 1). В левом верхнем углу дано изображение монеты в натуральную величину, в центре—в увеличенном виде¹.

Электрон 20—20,5 мм. Вес 7,3¹ г. Л и ц е в а я с т о р о н а: задрапированный бюст боспорского царя Тиберия Юлия Савромата II (174—210 гг. н. э.), обращенный вправо. Легенда: «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ». О б р а т н а я: Голова императора Септимия Севера, обращенная вправо². Впереди у шеи шестиконечная «звезда». Дата—490 год понтийского летоисчисления, или 193 год н. э.³ Под тем же 490 г. известны монеты Савромата II с изображением головы Коммода⁴. Как известно, Септимий Север взошел на римский престол 28 мая 193 г., Коммод же умер гораздо раньше; таким образом, в течение нескольких месяцев после смерти Коммода на Боспоре еще продолжался чекан монет с его изображением. Вообще монеты Савромата с изображением Септимия Севера и с датой 193 г. редки.

М о н е т а № 2 (рис. 2). Электрон; 19—20 мм. Вес 7,0 г, т. е. на 0,2—0,3 г ниже среднего, что нормально (тем более, что находчики, определяя металл монеты, соско-

Рис. 2. Электроновая монета боспорского царя Тиберия Юлия Рескупорида III, 216 г. н. э. (а—аверс, б—реверс).

блили часть поверхности оборотной стороны монеты). Л и ц е в а я с т о р о н а: задрапированный бюст Тиберия Юлия Ре[и]скупорида III (211—266 гг.), обращенный вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. О б р а т н а я: бюст императора Каракаллы, обращенный вправо; голова украшена венком. Впереди, у шеи, «звезда» (сохранилась частично, очевидно, шестиконечная). Дата, как и часть «звезды» сглажена (соскоблена) находчиками. Сохранилось, однако, два начальных знака даты, и явственно заметен (при рассматривании через лупу) третий, почти стертый знак («Ф»). Чтение даты не оставляет сомнений: «ΓΙΦ» (553 г. боспорского летоисчисления, или 216 г. н. э.⁵).

¹ В связи с тем исключительным вниманием, какое уделяется сейчас в нумизматике вопросам техники изготовления монет и, в частности, монет того же Боспора (ср. работы А. Н. Зографа и др.) и в некоторое отступление от установившейся традиции публикации монет, считаем возможным и целесообразным дать здесь наряду с фототипическими воспроизведениями монет в натуральную величину еще и воспроизведения этих монет в увеличенном виде.

² Портретные изображения Септимия Севера, как и других римских императоров (Каракаллы и Элагабала) на двух последующих монетах, проверены по иконографическим таблицам Гнекки; F. Gheschl, *Iconographia Romana*, Milano, 1907.

³ Аналогичная монета у Бурачкова; ср. «Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России». Сост. П. Бурачков, ч. 1, Одесса, 1884, табл. XXIX, № 207, стр. 268, № 222.

⁴ Бурачков, стр. 268, табл. XXX, № 208.

⁵ У Бурачкова (стр. 279, табл. XXXI, № 260 и 261) воспроизведены золотая и электроновая монета с той же датой. На первой перед бюстом Рескупорида—изобра-

Большинство боспорских монет Рескупорида под 216 г. имеет, насколько известно, обычно изображение орла или бюст Каракаллы без каких-либо изображений впереди (на нашей монете — «звезда», которая на монетах 216 г. относительно редка).

Монета № 3 (рис. 3).

Электрон¹. 19,5—20 мм. Вес 7,2 г. Монета имеет ясные следы опробования кислотой (результаты осмотра монеты приемочным пунктом «Азчерзолото», в меньшей мере следы опробования кислотой заметны на двух предшествующих монетах). Лицевая сторона: бюст Тиберия Юлия Рескупорида III, обращенный вправо. Легенда: «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ». Следует обратить внимание, что на монете № 2 (того же Рескупорида III) имеем иное начертание омеги в слове «Βασιλέως» (см. рис.).

Рис. 3. Электроновая монета боспорского царя Тиберия Юлия Рескупорида III, 221 г. н. э. (а—аверс, б—реверс).

Обратная: бюст императора Элагабала, обращенный вправо. Впереди, у шеи, шестиконечная «звезда». Дата: «НІФ» (518 г. боспорского летоисчисления, или 221 г. н. э.). Монеты с этой датой также относительно редки.

Мы имеем, таким образом, монеты 193, 216 и 221 гг. н. э., одну монету Савромата II и две — Рескупорида III. Монеты охватывают, следовательно, период времени в 28 лет (193—221 гг.) и преемственны друг другу (Савромата II, как известно, сменил на боспорском престоле Рескупорид III), т. е. перед нами монеты двух последовательно правивших боспорских царей.

III. Находки в кургане «Золотая горка»

Все описываемые ниже предметы принадлежат к числу находок, сделанных в 1935 г. на территории «холма» (кургана), известного под названием «Золотая горка» и расположенного выше станицы Тульской на правом берегу реки Белой. Находки были встречены при промывке породы в процессе проводившейся в данной местности добычи золота (прииск реки Белой комбината «Азчерзолото»). Происхождение всех этих находок из одного пункта («Золотая горка») подтверждается рядом свидетельств и, повидимому, может считаться установленным вполне точно (некоторые сомнения имеются только в отношении описанной ниже золотой монеты; есть косвенные указания, что она якобы

жение палицы, на второй, перед бюстом Каракаллы, — изображение птицы, обращенной влево (у Бурачкова ошибочно — «вправо»).

В собрании боспорских монет Д. И. Мошнягина (Ростов-на-Дону) имеется между прочим электроновая монета Рескупорида III, датированная тем же 513 г. (куплена в 1932 г. в г. Бердянске). Монета является точной копией нашей до мельчайших деталей и не оставляет сомнений в чеканке обеих монет одним и тем же штампом.

¹ Монета низкопробная, с очень слабой примесью золота.

найдена отдельно от остальных предметов, «при промывке золота в русле р. Белой, пониже станицы Даховской, в правом борту реки»). Вещи были найдены в 1935 г. и хранились с тех пор в сейфах комбината «Азчерзолото», от которого они и были нами получены. По словам главного инженера комбината «Азчерзолото», «холм» (курган) «Золотая горка» был сильно изрыт в прежнее время. По рассказам местных жителей, незадолго до мировой войны какая-то организация производила раскопки этого кургана якобы в поисках клада. При раскопках порода перемешивалась несколько раз. Золотые вещи получались путем просеивания земли на ручных грохотах. Этими раскопками научная ценность кургана, видимо, безвозвратно уничтожена. Прошлогодние работы старателей подтвердили наличие следов пересева земли.

Вещи, о которых идет здесь речь (все они принадлежат к разряду поделок из металла), таковы: 1) шлем, 2) псалий, 3) две пряжки, 4) монета, 5) подвеска.

Ш л е м. Шлем изготовлен из бронзы. Общий вид шлема спереди см. на рис 4. Шлем имеет некоторые повреждения, отсутствует ряд частей и деталей.

Рис. 4. Бронзовый шлем аттического типа из кургана «Золотая горка» (вид сбоку).

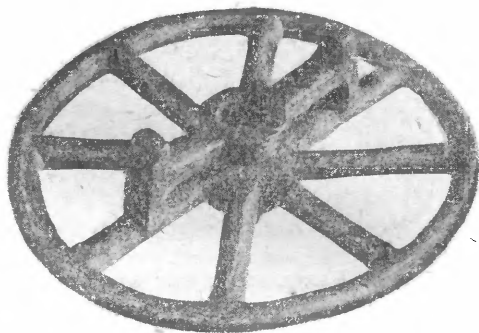

Рис. 5. Серебряный псалий в виде колесика со спицами (оттуда же).

Перед нами, несомненно, греческий шлем аттического типа¹. Наш экземпляр располагает деталями, присущими развитой и вполне сложившейся форме шлемов названного типа: четко выраженными отдельными частями (назатыльник, наносник и т. д.). Шлем имел, как отмечено, и подвижные лопасти (нащечники).

Наиболее вероятное время шлема IV в. до н. э., во всяком случае не позже III в. до н. э. В качестве ближайших аналогий нашему шлему могут быть указаны шлемы из открытого Ашиком в 1839 г. Керченского погребения IV в. до н. э. (на земле мирзы Кекуватского², из Галущина, бывш. Чигиринского у. Киевской губ.³), шлем, купленный в Анапе⁴, и др.

П с а л и й. Среди предметов, относимых к находкам в кургане «Золотая горка», мы имеем массивное серебряное колесико (рис. 5) с восемью спицами (диаметр около 80 мм, толщина примерно 5 мм, вес 129 г). В оси колесика сохранился обломок железного стержня, на который колесико было надето (вес указан вместе с этим стержнем). С од-

¹ Ср. D a r e m b e r g et S a g l i o, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, II, p. 1443.

² Древности Босфора Киммерийского, табл. XXVIII, рис. 4; также М. И. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 192 («превосходный бронзовый аттический шлем с нащечниками»).

³ Б. И. и В. И. Х а н е н к о, Древности Приднепровья, Киев, вып. II, табл. IX, № 218.

⁴ ОАК, 1906, стр. 128.

ной стороны колесика на двух спицах укреплено посередине серебряное же приспособление в виде двух стоячих столбиков, между которыми идет полоса, имеющая в центре круг со сквозным отверстием. Железный стержень проходил, таким образом, через два отверстия, отделенные друг от друга некоторым расстоянием.

Описанное изделие мы определяем как один из псалиев (очевидно, от железных удил).

Круглые металлические псалии в виде колесиков (в частности, со спицами) известны. Удила с подобного рода псалиями были обнаруживаемы и на Северном Кавказе. П. С. Уварова опубликовала бронзовые удила из Кобани (из фондов Исторического музея), имеющие боковые придатки, «которые заканчивают» эти удила «под видом колесообразных прорезных литых тяжелых блях»¹. Н. И. Веселовский обнаружил железные удила с колесиками в кургане, раскопанном на земле Ульского аула², и т. д.

П р я ж к и. Мы имеем две литые бронзовые поделки в виде «пряжек»; каждая из этих «пряжек» изображает птицу (очевидно, морского орла), которая держит в своих когтях и клюет рыбу (см. рис. 6—вид спереди).

Поделки имеют с оборотной стороны по одной скобе для пропуска ремня или шнура; скоба расположена в средней части, несколько ближе к переднему концу по-

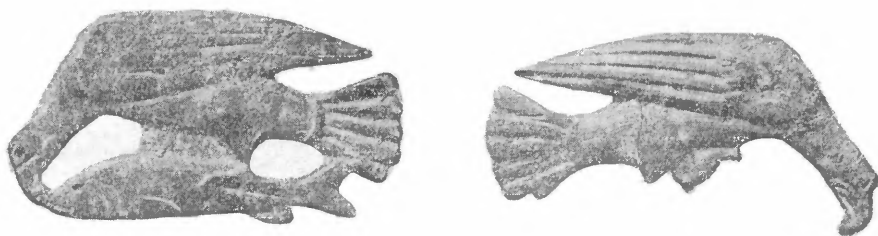

Рис. 6. Бронзовые литые «пряжки» с изображением морского орла и рыбы из кургана «Золотая горка».

делки, т. е. в направлении голов птицы и рыбы. Ширина отверстия в скобе не достигает 10 мм, что свидетельствует о пропуске через нее узкого ремня или шнура.

Наибольшая длина поделки—65 мм, а наибольшая высота—38 мм, вес 34 г.

Одна из поделок с изображениями, обращенными вправо, сохранилась полностью (размеры и вес указаны в отношении этой поделки). Другая поделка с изображениями, обращенными влево, повреждена и полностью до нас не дошла. Верхняя часть этой поделки (изображение птицы) переломана на две части. Совершенно отсутствует ее нижняя часть (изображение рыбы.). При внимательном рассмотрении можно установить очень небольшие и несущественные различия в деталях обеих поделок, не меняющие, однако, общей трактовки даже отдельных частей (например, детали головы птицы).

Несомненно, поделки принадлежат к числу украшений и были обращены друг к другу головами птиц и рыб, что роднит их, заметим, с гербообразными изображениями.

Изображение птицы, держащей в лапах рыбу, известно нам по ряду находок, сделанных на юге СССР в курганных погребениях греко-скифского времени.

В одном из раскопанных В. В. Хвойко курганов около Галушина (село Пастерское Чигиринского уезда) в числе различных находок были найдены золотые бляшки в виде морского орла с рыбою³, которые, повидимому, могут датироваться временем несколько позднее VI—V вв. до н. э.

¹ П. С. Уварова, Могильники Северного Кавказа, МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 32, табл. XXXVII, 1.

² ОАК за 1909—1910 гг., стр. 156, рис. 229; близкие к ним железные удила в собраниях Краснодарского музея.

³ «Древности Приднепровья и побережья Черного моря». Собрание Б. И. и В. И. Ханенко, Киев, вып. II, 9, кург. № 1.

В одном из курганов Звенигородского уезда (между ст. Петриковской и Ромейковской), вместе с шлемом греческого типа, остатками панциря, стрелами с амфорой, была обнаружена золотая четырехугольная бляшка с изображением морского орла, держащего рыбу¹. Время погребения — также VI—V вв., возможно, ближе к IV в. до н. э.

А. А. Миллер, раскопавший часть некрополя предполагаемого древнего Танаиса (у Елизаветовской станицы, в дельте Дона), нашел в одном из курганов «оконечность, вероятно, рогового ритона», частично золотую, частично серебряную; на золотой части изображены морские орлы с рыбами в лапах². Наиболее вероятное время погребения — IV в. до н. э.

Заслуживают внимания, в частности с точки зрения семантики, генетических и стилистических сближений, изображения (например, дельфинов) на золотых бляшках из Семибратних курганов и др.

Наши поделки, трактованные в виде пряжек, очевидно, могут считаться (не по сюжету и характеру изображений, но по своему назначению), если не уникальными, то во всяком случае весьма редкими для юга СССР находками.

Изображение орла на дельфине, как известно, обычно для монет Истра, Синопы и Ольвии, а равно и для ряда астиномных клейм. На протяжении длительного времени бытования данной эмблемы она претерпевала значительные видоизменения в характере своей трактовки, что можно проследить по тем же ольвийским асам с горгонейоном и головой Деметры и драхмам³.

Б. Н. Гракову мы обязаны обстоятельным новейшим экскурсом в вопросе о керамических астиномных клеймах с изображением орла на дельфине. Изображение это принадлежит к числу наиболее ранних монетных изображений в клеймах⁴.

По характеру трактовки эмблемы поделки из кургана «Золотая горка» должны быть причислены к эмблемам группы ольвийских монет конца IV и всего III в., которые дают совершенно определенную форму эмблемы.

В наших поделках, несомненно, еще сильны архаические мотивы. Весьма характерен, например, хвост птицы, четко трактованный в виде веера (при помощи четырех линий, образующих пять перьев). Заслуживает внимания и своеобразная трактовка головы птицы. Перед нами голова, несомненно, хищной птицы с крупными глазами, резко выраженным клювом. В передаче головы птицы сказались, видимо, элементы известной стилизации, хотя в основном фигуры птицы и рыбы трактованы в наших поделках достаточно реалистично, вплоть до передачи отдельных деталей (например, плавника рыбы и др.).

З о л о т а я м о н е т а. Статер Александра Великого (рис. 7), диам. 18 мм, вес 8,32 г. Экземпляр хорошей сохранности. **Л и ц е в а я с т о р о н а:** голова Афины в коринфском шлеме с тройным гребнем, обращенная вправо. Тулья шлема украшена изображением грифона, также обращенного вправо. На шее ожерелье, в ушах серьги. Волосы трактованы в виде трех крученых локонов, спускающихся на плечи. На виске выбиваются из-под шлема и вырисовываются на его фоне два коротких локона. Сзади видны извивающиеся концы двух султанов. **О б р а т н а я:** Легенда — ΒΑΣΙΛΕΥΣ слева, ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ справа. Фигура Ники, обращенная влево. В левой руке Ники — слегка наклоненная стилида, в правой — венок (последний предполагается,

¹ И в. Ф у н д у к л е й, Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии, Киев, 1848, стр. 124. М. И. Ростовцев, упоминая о раскопках Фундуклея, считает эту бляшку изделием ольвийской работы («Скифия и Боспор», стр. 481), также стр. 483: «большинство этих (нашивных, типично восточных) бляшек воспроизводит формы скифского звериного стиля, частью же сделано по ольвийским штампам».

² А. А. М и л л е р, Раскопки в районе древнего Танаиса, ИАК, СПб, 1910, вып. 35, табл. V, рис. 24.

³ С р. А. В. О р е ш н и к о в, Записки Русск. Археолог. О-ва, т. IV, М., 1890, а также В. В. Г о л у б ц о в а, Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 г., ИАК, вып. 51, СПб, стр. 67—118, и др.

⁴ Б. Н. Г р а к о в, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, РАНИОН, Институт археологии и искусствознания, М., 1928, стр. 22—24, 93, 107, 113 и др.

так как в нашем экземпляре конечности левой, вытянутой руки Ники граничат с краем монеты и наличие венка в руке явственно не различимо). Крылья слегка изогнутого внешнего контура короткие, до колен. Правая нога стоит прямо, левая согнута в колене и сильно отставлена назад. Спереди и сзади вдоль хитона идут волнистые складки. Фигура стоит на черте. Налево, в поле, внизу, под крылом монограмма в венке (MP) (состоящая из букв М, Υ, Н, Ρ), повыше левее надписи—ΜΙ.

а

б

Рис. 7. Золотой статер Александра Великого (а — аверс, б — реверс).

Рис. 8. Золотая подвеска в виде сидящего крылатого женского божества.

Наиболее вероятны (указание А. Н. Зографа) вавилонское происхождение статера и дата не ранее 325 г. до н. э. (самые последние годы правления Александра Македонского или следующее за его смертью десятилетие).

Результаты химического (количественного) анализа статера:

Золото	— 99,76%
Неучтенные примеси	— 0,24%
Всего	— 100,00%

П о д в е с к а. Из изделий античного ювелирного мастерства до нас дошла миниатюрная золотая поделка, которая является, по всей вероятности, подвеской, хотя не исключена возможность ее иного функционального назначения, например, в качестве украшения (головки) булавки¹.

¹ Фигурные золотые изображения, служившие украшением булавок, известны. Золотую булавку IV в. до н. э., увенчанную фигурным изображением грифона, мы имеем, например, из находок в Феодосии (сейчас в собраниях золотой кладовой Эрмитажа) и т. п.

Поделка изображает собой фигуру крылатого женского божества в сидячей позе (рис. 8), наверху в углу—величина подлинника, в центре—увеличение. Высота фигурки около 25 мм, вес—5,64 г. Под сиденьем женщины припаяна четырехугольная (квадратная) золотая же пластинка, нижняя часть которой также имеет следы припоя к не сохранившемуся предмету. Перед нами, таким образом, лишь часть определенного изделия, возможно, серьги.

Женщина сидит, сложа руки на коленях. Голова женщины опущена и имеет легкий поворот влево. Прическа сохранила следы моделировки. Искусно моделированные два крыла на спине женщины подняты вверх. На коленях женщины (поверх ее рук)—птица, вероятно—голубь, также с моделированными распростертыми крыльями. Голова птицы соприкасается с левой (с точки зрения зрителя) рукой женщины; птица как бы уткнулась клювом между рукой женщины (несколько выше локтевого сгиба) и торсом ее. Изображение птицы имеет частичные повреждения, вызванные тем, что с левого крыла птицы, очевидно, находчики брали пробу металла. Женщина одета в хитон и плащ, прикрывающие и руки; явственно переданы складки одежды. Ступни ног тесно соприкасаются.

Общий стиль поделки—особенно строгая и четкая трактовка (чеканка) крыльев, складки одежды, наклон головы, контур спины и другие детали—характерен для изделий конца V и начала IV в. до н. э. С наибольшим вероятно время нашей поделки может быть отнесено именно к началу IV в. до н. э.

Если наша поделка представляет часть серьги (подвеску), то было бы более привычно иметь дело со стоячей фигуркой, а не фигуркой в сидячей позе. Последняя, однако, не противоречит возможности употребления фигурки в качестве подвески. Достаточно вспомнить, например, о золотых серьгах того же IV в. до н. э. (эрмитажные собрания), имеющих подвески в виде Артемид, сидящих на бегущих ланях¹. Заметим, что снятая с лани фигурка Артемиды по своей позе близко напоминала бы позу нашего крылатого божества.

Мы затрудняемся указать сейчас имя этого божества. Присутствие птицы на коленях женщины не позволяет видеть здесь фигуру Ники. Если в нашей поделке изображен голубь, его можно было бы сочетать с изображением Афродиты. В этом случае, однако, должны были отсутствовать крылья. Вопрос о том, с изображением какого именно божества мы имеем дело, подлежит, следовательно, уточнению.

Анализ подвески дал такие показатели:

Золото—	96,00%
Серебро—	3,79%
Неучтенные примеси—	0,21%
Всего—	100%

Изображениям крылатых фигур в греческом искусстве посвящен, как известно, ряд специальных исследований Стефани, Фуртвенглера, Экснера, Розенберга и др. Из работ русских авторов заслуживает упоминания работа В. Дагеляйского, особо выяснившего вопрос о «способах приделывания крыльев в античном изобразительном искусстве»². Заметим, что в нашей фигурке мы имеем прикрепление крыльев к спине женщины, что характерно, по указанию упомянутого автора, для типа приделывания крыльев, «который держится от четвертого века вплоть до позднейших времен греко-римского искусства».

Как видно из приведенных выше данных, находки на «Золотой горке» в общем вполне согласуются между собой по времени. Находки эти ведут нас к майкопским погребениям времени скифо-эллинистического симбиоза, относясь, в основном, к IV в. до н. э.

¹ Ср. «Скифия и Боспор», стр. 389 (раскопки в Эль-Тегене).

² В. Дагеляйский, Крылатые фигуры в античном искусстве. Записки Русского Археологического общества, т. VII, СПб., 1895. Автор подчеркивает, что «тип прикрепления крыльев может служить ценным фактором при определении времени происхождения античных памятников искусства».

Шлем представляется нам типичным элементом паноплии и заставляет думать о вхождении его в могильный инвентарь мужского захоронения. О погребении мужчин могут говорить также и бронзовые поделки—«пряжки» с изображением птиц и рыб и деталь конского убора—серебряное колесико. Золотая подвеска свидетельствует, что здесь мог иметь место и женский могильный инвентарь.

IV. Серебряная чаша с рельефными изображениями из находок у станицы Даховской

Перед нами отлично сохранившаяся массивная серебряная чаша, без ручек, сработанная из одного цельного куска серебра. Высота чаши—65 мм, окружность по верхнему ободку—350 мм, диаметр верхней части—105 мм, окружность кольцевой ножки—185 мм, диаметр ее же—57 мм, вес чаши—348,5 г. Детальное описание формы чаши здесь опускаем; помещаемые фотографии дают ясное о ней представление. Дно чаши имеет кольцевую ножку, в середине которой (центр сосуда)—небольшое круглое углубление от шпены шлифовального круга. Техника изготовления чаши составляет предмет специального исследования в подготовляемой к печати монографии.

Количественный анализ материала чаши показал следующее:

	Золото—0,60%
	Серебро—96,52%
	Медь—2,50%
	Олово—0,28%
Неучтенные	примеси—0,10%
	Всего—100,00%

Серебро весьма мягко, что служит, в частности, признаком чистого серебра. Анализ подтверждает малую примесь меди, увеличивающей в сплаве твердость материала.

Стенки чаши украшены снаружи рельефными изображениями различных фигур и предметов. Изображения эти опоясывают всю чашу (см. рис. 9). Отдельные детали некоторых изображений (например, в фигуре льва и др.) сохранили явные следы покрытия золотом.

Все без исключения изображения на чаше принадлежат к циклу аксесуаров театральных сцен вакхического цикла. Мы видим сцену вакханалии или, точнее, так называемую сцену (фриз) с масками (нем. Maskenfries). Достаточно указать изображения фигуры танцующей менады и стоящего сатира, собак (из которых одна, близкая по изображению к медведю, опирается передними лапами на алтарь в виде колонки), четырех театральных масок, в том числе Силена, менад (три маски даны на фоне шкафов, в которых эти маски обычно сохранялись; женская маска повторена без изменений два раза), тирса, сирикса или многоствольной флейты («свирель Пана»), лагоболон и звериной шкуры, завязанной в виде мешка (слева от менады), тимпана (бубна, увешанного погремушками и колокольчиками),—и других предметов, в частности деревьев (кипарисов), кустов и листьев.

Форма чаши, техника ее изготовления, стиль и характер изображений, покрывающих наружные стенки чаши, не оставляют сомнений в принадлежности сосуда к первым столетиям н. э., к торевтике римского времени. Свообразные стилистические особенности деталей отдельных изображений и всего сосуда в целом будут освещены в монографическом описании даховских находок. В своем же целом чаша явно отражает влияние античного искусства, столь характерное, в частности, для Парфии, с кругом памятников которой мы имеем много оснований связать и нашу чашу¹. Не случайно именно в этом отношении Б. А. Тураев противопоставлял памятники Парфии сасанидским: «Если немногочисленные памятники Парфии обнаруживают римское влияние,

¹ В Парфии имелось, как известно, два параллельных художественных течения: эллинистическое и местное, которое приобрело приоритет над первым к концу парфянского периода.

сасанидские рельефы с самых первых шагов свидетельствуют о сознательном возвращении к древневосточной основе»¹.

Близость мифа о Дионисе к эллинизированным парфянским мастерам отмечалась неоднократно².

Замечательной индивидуальной особенностью даховской чаши является греческая надпись, помещенная на дне чаши вне кольцевой ножки.

Рис. 9. Серебряная чаша с рельефными изображениями (из находок у ст. Даховской).

Надпись эта исполнена в технике точечного накола и состоит из трех, не отделенных друг от друга слов. Она гласит: ΠΑΡΑ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΚΟΡΟΥ, или «от царя Пакора».

Характерные палеографические особенности надписи позволяют установить, о каком именно Пакоре идет речь.

Достаточно сопоставить нашу надпись на металле хотя бы с надписями на камне из находок на юге СССР, вошедшими в общеизвестный свод надписей, изданных В. В. Латышевым³. Тип букв не вызывает сомнений в их принадлежности ко второй

¹ Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. II, ОГИЗ, Л., 1935 (Иран, стр. 287).

² Ср. И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, III, стр. 166; также М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 552 и др.

³ Напр. IPE, II, 431 (дата не сохранилась); IPE, II, 432 (надпись времен Котиса, III, 227/8—233/4 г. н. э.); IPE, II, 433 (дата не сохранилась вполне, но восстанавливается как 237/8 г. н. э.); IPE, II, 451 (надпись 525 г. босп. эры—227/8 н. э., где все типичные буквы—Α, Λ, Π, ω и др. тождественны аналогичным буквам нашей надписи); IPE, II, 456 (дата не сохранилась; В. В. Латышев относит надпись «ad alterum vel tertium decennium tertii p. Chr. saeculi», и др.

половине II—первой половине III в. н. э. Время надписи согласовывается со временем всей чаши, с ее отмеченными выше изображениями вакхического цикла.

В свете отмеченных показателей не вызывает споров и вопрос, какой именно царь Пакор упомянут в надписи. Это—Пакор III, брат парфянского царя Вологеза (Вологаса) III (148—191), которого последний посадил на престол Армении при Антонине Пие (138—161)¹. Время правления Пакора III также вполне согласуется с типическими палеографическими особенностями надписи на чаше².

Что касается надписей, исполненных способом точечного накола, то надписи эти, как известно, идут из глубокой древности.

Пунктирные надписи знакомы нам и по обширному циклу памятников, обнаруженных на территории СССР.

Как уже отмечено, наличие монет Пакора III в чеканке древней Армении не фиксировано. Таким образом, в нашей чаше мы имеем эпиграфически засвидетельствованное имя Пакора III, переданное в греческой транскрипции. Нанесение имени Пакора на предмет материальной культуры было осуществлено при жизни царя (чаша являлась личным подарком последнего).

Не менее любопытно констатировать, что в инвентаре даховских погребений нет предметов позже рубежа II—III вв. н. э., в крайнем случае позже первой четверти III в. Таким образом, вскоре же после того как чаша была отправлена в качестве личного дара армянского царя Пакора III неизвестному адресату, она попала в состав могильного инвентаря. А priori, следовательно, допустимо предположение, что чаша была захоронена вместе с местным династом, которому она, возможно, и была предназначена, или вместе с кем-либо из представителей ближайшего окружения этого династа, членов его семьи, наследников или преемников и т. п. Повторим: такое утверждение, разумеется, не выходит из границ предположения.

В связи с находкой чаши из станицы Даховской укажем на исключительно интересную неопубликованную серебряную же чашу государственного Эрмитажа (Ленинград). Осмотренная нами в марте 1937 г., чаша эта, демонстрируемая в одной из еще не свернутых зал международной выставки памятников иранского искусства и археологии, обратила наше внимание своим несомненным и тесным родством с даховской чашей, которой она аналогична по форме и технике изготовления и к которой она крайне близка по стилю и содержанию украшающих ее рельефных изображений.

Место находки эрмитажной чаши не установлено. В каталоге упомянутой выставки она описана следующим образом: «Чаша серебряная на ножке с рельефом, изображающим вакхические маски, чередующиеся с пляшущими фигурами (0,115 м × 0,55 м)»³.

Тесное родство обеих чаш несомненно. Они, если не синхроничны, то во всяком случае очень близки по времени, а возможно, и месту изготовления.

¹ Ср. А. К р ы м с к и й, История сасанидов..., с приложением отдела о Парфянском царстве, «Труды по востоковедению», издание Лазаревского института, XXI, М., 1905, также из новейших работ: C l é m e n t H u a r d, La Perse antique, Paris, 1925 (о Парфии—стр. 127 сл., там же библиография по истории древней Парфии, гл. обр., древней Персии и Армении); F. C u m o n t, L'annexion du Pont et la petite Arménie в «Anatolian Studies presented to Sir W. M. Ramsay», Manchester, 1923, p. 109—119 и др. Из обширной литературы по древней Парфии и Армении в связи с текстом нашей публикации отметим: I. H e r m. S c h e n d e r w i r t h, Die Parther oder das neupersische Reich unter Arsaciden nach griechisch-römischen Quellen, Heiligenstadt, B. Dunkelberg, 1874, IV, 261; M. J. S a i n t - M a r t i n, Fragment d'une histoire des Arsacides, Paris, 1850, I—II.

² Нас интересовал вопрос о монетах, связанных с именем Пакора III. Насколько нам удалось установить, монеты, которые приписывались бы Пакору III, неизвестны. Монеты же Вологеза III известны: см. каталог Британского музея W. Wroth'a, A. Petrowicz'a, Prokesch-Osten, «Les monnaies des rois Parthes», Paris, 18, 4. 18, 5 p., Маркова («Catalogue des monnaies arsacides», «Les monnaies des rois Parthes», Paris) и в других монографиях по нумизматике Парфии.

³ «Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии». Государственный Эрмитаж. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии, вып. I, Л., 1935, стр. 190 (XXIII, 1). И по размеру (0,115 × 0,55 м) эрмитажная чаша также близка чаше из станицы Даховской.

Форма эрмитажной чаши в основном полностью повторяет форму чаши из станицы Даховской, с той лишь разницей, что первая имеет более низкое тулово.

Как и чаша из станицы Даховской, эрмитажная чаша опоясана отдельными рельефными изображениями, состоящими из тех же театральных вакхических масок, фигур танцующих актеров, отдельных предметов. И здесь мы видим маски, фигуру танцующего Силен, изображения ритона на канфаре, свирели, тирса, дерева и др. Время чаши, несомненно, определяется первыми столетиями н. э. Стиль рельефных изображений эрмитажной чаши несколько отличен от стиля аналогичных изображений на чаше из станицы Даховской (и это заслужило бы специального анализа), но общее единство стиля обеих чаш не оставляет сомнений.

Любопытно заметить, что эрмитажная чаша рассматривалась как примыкающая к торевтике римских центров северного Египта (изделия александрийского круга). Однако, по любезному сообщению К. В. Тревер, покойный О. Ф. Вальдгауэр в личных беседах по поводу эрмитажной чаши решительно исключал ее из изделий александрийского типа и настойчиво сближал ее с аршакидами.

Наша чаша служит разительным подтверждением заключений покойного исследователя. Именно к парфяно-армянским аршакидам ведет нас и чаша из станицы Даховской, паспортизированная по месту находки. Филэллинизм аршакидов известно. Верхушка общества Парфии и Армении первых столетий н. э. тяготела к Средиземноморью, к Риму и его культуре. Придворными мастерами правителей Парфии и Армении являлись греки и римляне или их выученики. Парфия, как известно, всегда была мощным очагом и проводником эллинистических форм на Кавказе, что делает закономерным нахождение чаши аршакидского цикла в пределах майкопской округи. Желательно скорейшее издание замечательной эрмитажной чаши с подробным описанием в хороших фототипических воспроизведениях. Необходимы, наконец, анализ материала эрмитажной чаши и сличение данных этого анализа с данными анализа материала нашей чаши¹.

Последняя служит яркой иллюстрацией живых связей Юга СССР с Ираном, с древней Арменией первых веков н. э. в частности.

Б. Лунин

Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР²

Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР, состоявшаяся в Киеве, в январе 1939 г., была посвящена изучению Трипольской культуры. В работах конференции принимали участие, помимо работников украинских научных учреждений—Института археологии АН УССР, Киевского университета, Центрального исторического музея и других музеев УССР,—представители братских союзных республик—Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Института истории Академии наук БССР.

В 14 докладах, прочитанных на заседаниях конференции, удалось подвести итоги археологической работы, которая была широко развернута в последние годы по изучению «Триполья». Так, доклад Т. С. Пасека (Москва) был посвящен исследованиям родового трипольского поселения, систематически раскопанного в течение 5 лет Трипольской экспедицией, близ сел. Халепье, Обуховского района, Киевской обл.

¹ В связи с даховской и эрмитажной чашами отметим любопытную находку из Херсонеса в виде «черепка тарелки красной глины с лепными изображениями мужской головы, каких-то орудий, бегущего влево мужчины и бегущей вправо антилопы», ОАК, 1893, стр. 55, рис. 33.

² Извлечения из доклада Т. С. Пасека, прочитанного 28 февраля 1939 г. на заседании МОИИМК.